

Л. Д. ТРОЦКИЙ

Элементы бонапартизма

<...> Еще в середине мая Керенский был назван в заседании Петербургского Совета «математической точкой русского бонапартизма». Уже эта бестелесная характеристика показывает, что дело шло не о личности Керенского, а об его исторической функции (деятельности, роли). Было бы неосмотрительно утверждать, что Керенский сделан из того же материала, как первый Бонапарт: это нужно считать по меньшей мере недоказанным. Но популярность его, разумеется, не случайна. Керенский оказался ближе и понятнее всех всероссийской обывательщине. Защитник по политическим делам, «социалист-революционер», который стоял во главе трудовиков, радикал без какой бы то ни было социалистической школы — Керенский полнее всего отражал первую эпоху революции, ее «национальную» бесформенность, сентиментальный идеализм ее надежд и ожиданий. Он говорил о земле и воле, о порядке, о защите отечества, о героизме Либкнехта, о том, что русская революция должна поразить мир своим великодушием и размахивал при этом красным платочком. Полупроснувшийся обыватель с восторгом слушал эти речи: ему казалось, что это он сам говорит с трибуны. Армия встретила Керенского как избавителя от Гучкова. Крестьяне слышали о нем как о трудовике, о мужицком депутате. Либералов подкупала крайняя умеренность идей под бесформенным радикализмом фраз. Настороже были только передовые рабочие. Но их Советы успешно растворяли в «революционной демократии».

Свобода от предрассудков доктрины позволила Керенскому первым из «социалистов» вступить в буржуазное правительство. Он же первый заклеил именем «анархия» обострившуюся со-

циальную требовательность масс, пригрозив еще в мае финляндцам скорпионами, и бросил свою пышную фразу о «восставших рабах», которая бальзамом пролилась на сердца всех огорченных собственников. Таким образом, его популярность представляла собой клубок противоречий, в которых отражалась бесформенность первого периода революции и безвыходность второго. И когда история открыла вакансию на третейского судью, в ее распоряжении не оказывалось более подходящего человека, чем Керенский <...>.

